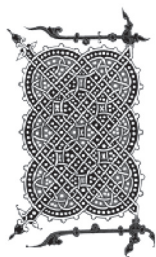

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ОЧЕРКИ

© 2021 Н. П. Матханова
Россия, Новосибирск

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О МАРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ ГРОМЫКО И ЕЕ РАССКАЗ О СВОЕЙ ЖИЗНИ

Аннотация. Текст включает в себя воспоминания о М. М. Громыко как научном руководителе автора статьи, а также запись интервью, где воспроизводятся важные биографические данные из жизни Громыко и академической среды Новосибирска 1960–1970-х годов. Автор отмечает причины, по которым Громыко не писала своей биографии, в том числе – в связи с репрессиями, через которые прошли семья ее отца и ее родственники, и сложностью жизни советского времени для вынесения определенных оценок происходящего.

Ключевые слова: воспоминания о М. М. Громыко, интервью, научное руководство, академическая среда, историки в Новосибирске в 1960-е – 1970-е годы, мифы вокруг имени ученого.

Abstract. The text includes memories of M. M. Gromyko, as the scientific advisor of the author of the article, but includes a recording of an interview, which reproduces important biographical data from the life of Gromyko and the academic environment of 1960–1970s in Novosibirsk. The author notes the reasons why Gromyko did not write her biography, due to the repressions through which the family of her father and their relatives went through, the complexity of life in Soviet times for making certain assessments of what was happening.

Key words: Memories of M. M. Gromyko, an interview with her, scientific leadership, the academic environment of historians in Novosibirsk in the 1960s–1970s, myths that arose around the name of the scientist.

Матханова Наталья Петровна (Matkhanova Natalia Petrovna) – главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, доктор исторических наук, nmatkhanova@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 26. С. 76–85

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 821.161; ББК – 83.3 (Рус) 1; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-26/76-85>

Горестная весть о кончине Марины Михайловны Громыко вызвала чувство осиротелости. Она сыграла огромную роль в моей жизни. Еще не познакомившись с нею лично, я и многие сибирские студенты-историки моего и нескольких следующих курсов знали («проходили») ее работы. Кое-кто из новосибирцев слышал о необыкновенной ученой даме – историке, молодой (ей не было еще 40 лет) красавице, защитившей докторскую диссертацию и тогда же разведшейся и вновь вышедшей замуж. А вскоре шепотом начали рассказывать о ее участии в политическом деле.

Вероятно, необходимы некоторые пояснения.

М. М. Громыко перешла на работу в Новосибирск в 1959 г., став одним из первых сотрудников «Постоянной комиссии по общественным наукам Сибирского отделения АН СССР». Это было необычное и оригинальное подразделение. Первоначально «отцы-основатели» Академгородка вообще хотели обойтись без общественных наук, опасаясь идеологических контролеров. По мнению специалистов по истории Сибирского отделения, причинами создания гуманитарных учреждений стали, помимо давления парторганов, и практические потребности – надо было принимать кандидатские экзамены и преподавать общественные дисциплины в НГУ. Как вспоминала сама М. М. Громыко, необходимо было еще и руководить теми гуманитарными институтами, которые находились в составе филиалов, вошедших в состав Сибирского отделения. Постоянная комиссия вскоре была преобразована в Отдел гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства, преемником которого стал созданный в 1966 г. Институт истории, филологии и философии (ИИФиФ).

М. М. Громыко, прошедшая в МГУ прекрасную школу под руководством академика С. Д. Сказкина, почти сразу после переезда в Новосибирск стала ключевой фигурой в определении основных направлений исторических исследований. Она являлась одним из основных авторов и членом редколлегии второго тома «Истории Сибири», консолидировала вокруг себя людей, которые стремились серьезно заниматься наукой. Академик Н. Н. Покровский отмечал, что М. М. Громыко одной из первых в отечественной исторической науке обратилась к изучению «тех явлений общественного сознания сибирских крестьян, которые формировали

их трудовые навыки, привычки умелого ведения хозяйства, мирскую солидарность». При этом «впервые в годы господства официального атеизма она осмелилась акцентировать внимание на сведениях выявленных ею источников, свидетельствовавших о том, что основой этих навыков являлась искренняя и прочная православная вера сибиряков».

Нонконформизм, самостоятельность мышления и поведения, присущие Марине Михайловне, проявились и в другом эпизоде из ее жизни, когда она, наряду с несколькими учеными Академгородка, подписала в 1968 г. известное «письмо 46-ти». В нем был высказан протест против «нарушения принципа гласности и законности» во время одного из процессов против диссидентов. Последовали «проработки» и отстранение от преподавания в университете, а негласно – и от руководства аспирантами в Институте. Кажется, я стала ее первой аспиранткой очного обучения после 1969 г. При этом научный авторитет Громыко был непререкаем, профессиональная репутация высочайшей.

В аспирантуру к Марине Михайловне я попала благодаря настойчивым хлопотам моей

мамы Е. И. Матхановой. Историк, некогда студентка ИФЛИ и выпускница МГУ, преподаватель Новосибирского пединститута, она была знакома с Громыко, как и с другими сотрудниками ИИФиФ. В 1971 г. я окончила пединститут с красным дипломом и рекомендацией в аспирантуру, но пришлось «отрабатывать» по распределению в школе в далеком городке Новосибирской области. За три года удалось сдать все кандидатские экзамены – тогда это разрешалось, и в таком случае не надо было сдавать вступительные. Это было важно еще и потому, что на вступительных сдавали историю КПСС, а в числе кандидатских сдавали менее политизированный экзамен по философии. Почти все это время велись переговоры об аспирантуре. Марина Михайловна согласилась практически сразу, но предупредила, что ее могут не утвердить. Она даже предложила оформить руководителем кого-нибудь другого, например, Л. М. Горюшкина, сказав, что она с ним договорится и что фактически руководить будет сама. После некоторых колебаний мы отказались. В конце концов было получено разрешение директора Института А. П. Окладникова и заведующего сектором Л. М. Горюшкина, и в декабре 1974 г. состоялись мое зачисление в аспирантуру и утверждение Громыко научным руководителем. К тому времени, когда я начала заниматься под ее руководством – а это произошло за несколько месяцев до официального оформления, – Марина Михайловна уже несколько лет изучала историю общественной мысли и общественного движения в Сибири. В списке ее трудов значится несколько статей конца 1960-х – начала 1970-х гг., относящихся к этой тематике (*Громыко* 1968: 20–31; *Громыко* 1971а: 121–132; *Громыко* 1971б: 58–71; *Громыко* 1974: 259–298; *Громыко* 1975: 131–152).

Ориентируясь на эти свои новые интересы и учитывая, что моя дипломная работа была посвящена педагогической деятельности народников в сибирской ссылке, Марина Михайловна предложила мне тему «Воспитанники декабристов в Сибири». Сразу указала, на кого следует обратить внимание: дети священника С. Я. Знаменского, друга Фонвизина и других декабристов (напомню, что в это время Громыко изучала историю пребывания Ф. М. Достоевского в Сибири), дети купца П. К. Боткина, ведшего торговлю в Кяхте (предположение не оправдалось), и, наконец, ученик декабристов Н. А. Белоголовый. В том же разговоре настойчиво рекомендовала, не откладывая, от-

правляться в Москву, в Отдел рукописей Ленинки (ныне РГБ), где хранился архив Белоголового. Материалы этого фонда стали основой для кандидатской диссертации «Кружок Белоголовых в общественно-политической жизни Восточной Сибири 1850-х – 1860-х годов». Сразу после возвращения Марина Михайловна пригласила меня к себе домой (это было нормой в Академгородке) для подробного рассказа об архивных находках. Отчет и его обсуждение продолжались довольно долго, она вообще щедро тратила на своих учеников и силы, и время. В ходе беседы прозвучал совет (скорее требование): составить план-проспект будущей работы и расписать, как обеспечены источниками отдельные пункты, что из этих

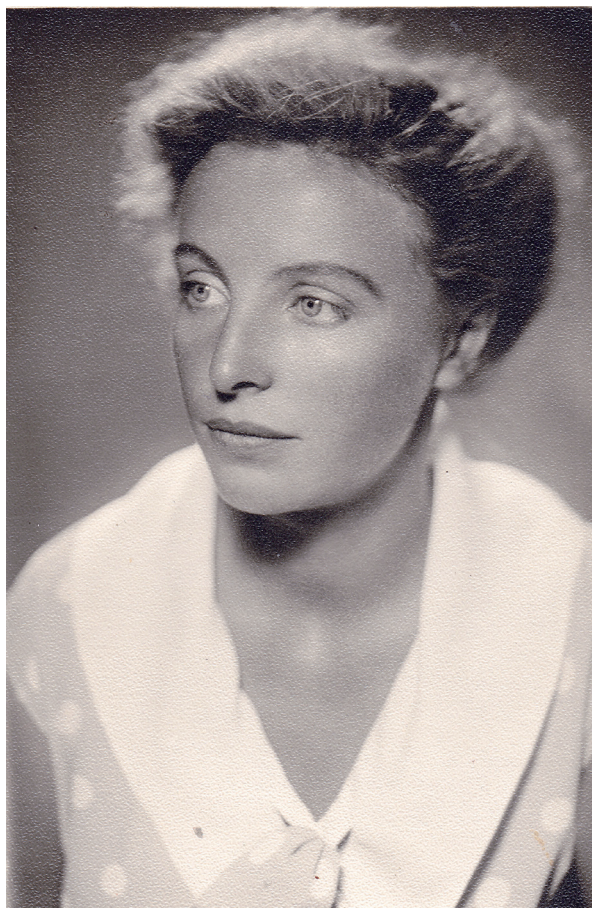
источников уже изучено, а что и когда будет изучаться. Дала еще одну практическую рекомендацию: во время работы в архивах и библиотеках делать записи не в тетрадях, а на отдельных листах, и лучше только с одной стороны – тогда по мере накопления выписок их легче будет сортировать. Такие встречи-собеседования проходили регулярно, обсуждались и результаты архивных и библиотечных разысканий, и фрагменты диссертации – по мере их написания.

Приведу еще несколько эпизодов из аспирантских лет. В 1976 г. мы обе работали в Рукописном отделе Пушкинского дома, и во время обеденного перерыва Марина Михайловна повела меня в академическую столовую, при-

чем в профессорский зал. В те времена в Ленинграде поехать командировочному, да еще и с больным желудком, было не очень просто. Я пыталась отказаться, так как в профессорском зале аспирантам питаться не полагалось. Окончательно в смущение меня вогнало ее решение заплатить за нас обеих, причем попытки сопротивляться были пресечены решительно. Марина Михайловна сказала: «Вот когда Вы станете профессором, тоже сможете платить за своих аспирантов». Понятно, что тогда эти слова не могли быть восприняты всерьез... В том же 1976 г. я отдала первую статью в институтский сборник и вдруг получила выговор от своего научного руководителя: «Пока Вы моя аспирантка, я за Вас отвечаю. И ничего в печать без моего разрешения не отдавайте, сначала я должна прочитать». Марина Михайловна читала и правила все мои тексты вплоть до защиты диссертации. Машинописные странички первого варианта доклада на одной из конференций с ее правкой попросил Государственный архив Иркутской области – как автограф М. М. Громыко. Так со своими аспирантами возились далеко не все.

В 1977 г. Громыко уехала в Москву. Этому предшествовали довольно неприятные объяснения с местным партийным начальством – ей не могли простить бескомпромиссности, смелости и принципиальности. После ее отъезда встречи с Мариной Михайловной случались только во время моих командировок в Москву для работы в архивах. Мы виделись и в Ленинке, и в Институте этнографии, и у нее дома на улице Правды, и в Щербинке. Иногда я являлась со скромными подарками, на что, как правило, мне выговаривали, что не надо тратить. Но было исключение. И Марина Михайловна, и особенно ее муж, Юрий Борисович Стракач, занимавшийся православной педагогикой, были довольны привезенным от о. Бориса Пивоварова учебным пособием по истории православной культуры (Православная культура 2002, 2004). Это была электронная версия на CD, и Марина Михайловна оценила удобство ее использования в преподавании. Регулярно мы разговари-

М. М. Громыко и Ю. Б. Стракач в квартире в г. Щербинка. Фото Н. П. Матхановой

вали по телефону. Иногда она рассказывала о своих детях и обожаемом внуке, о своей работе. Очень интересовалась и моей работой, и ситуацией в Институте, и занятиями других сотрудников нашего сектора археографии. Подробно расспрашивала, чем мы занимаемся, и очень бывала довольна, когда узнавала о тех исследованиях, которые были связаны с историей православия, – Н. Д. Зольниковой, С. Г. Петрова и, конечно, Н. Н. Покровского. Очень рада была Марина Михайловна, узнав о публикации мною писем св. Иннокентия (Вениаминова) к Н. Н. Муравьеву-Амурскому и М. С. Корсакову. Предложив подготовить статью о первом енисейском епископе Никодиме (Казанцеве) для журнала «Традиции и современность», обсуждала и редактировала текст, приговаривая: «Вот и вспомним старое время». С некоторым удивлением относилась к моим рассказам о том, что в Сибири (не только в Новосибирске) ее работы и имя известны даже молодым историкам. Еще один важный и трудный разговор состоялся в связи с подготовкой в Институте «Исторической энциклопедии Сибири». В ней, разумеется, должна была быть статья о М. М. Громыко. Однако она, узнав об этом, категорически возражала. Никакие мои резоны

к успеху не приводили. Решающим стал такой аргумент: статья все равно будет написана, но если другим автором, а не Н. К. Чернышовой, то ничего не будет сказано о последних работах, связанных со значением православной веры в истории России.

Я долго и настойчиво уговаривала Марину Михайловну написать воспоминания, предлагала записать их на диктофон, но она неизменно отказывалась. Наконец, во время одного из визитов, уже в 2015 г., она все же согласилась ответить мне на конкретные вопросы. Вечером того же дня, вернувшись в гостиницу, я записала услышанное так, как запомнила. Так как запись сделана через некоторое время, по памяти, изложение ведется не от ее имени.

Поводом для интервью стала необходимость комментировать письма Н. Н. Покровского (для статьи о его приезде в Сибирь), а также информация о ней в ряде воспоминаний разных старожилов Академгородка. На деле хронологические рамки рассказа оказались шире.

Мои вопросы и уточнения выделены курсивом.

Рассказ Марины Михайловны Громыко, записанный 30 августа 2015 г.

Вопрос об отце, репрессированном белорусском поэте.

Отец жил в Одессе, был специалистом по горному делу¹. По призыву советской власти поехал в Белоруссию развивать национальную культуру, начал писать на белорусском языке, изучал фольклор. Был арестован. Помнит, как трехлетней девочкой ходила с матерью² к отцу в тюрьму. После отбытия срока ссылки в Иваново³, в отличие от своих товарищей, отец не вернулся в Белоруссию (вернувшиеся были арестованы повторно), а поехал с семьей на Кольский полуостров, в Кировск. Там семья провела несколько лет до войны.

Она и старшая сестра⁴ были дружны с финскими детьми – одноклассниками, очень плакали, когда их выслали перед войной в Казахстан. Но, может быть, благодаря этому финны уцелели. О начале войны узнала, услышав «объявление» по радио в магазине, где покупала продукты. Пришла домой и спросила: что это? Сказали – война. Родители уже знали, тоже слышали по радио.

Местные власти, опасаясь наступления финнов (Кировск был около границы), решили: всех детей эвакуировать⁵, а взрослым идти в партизаны – в Хибины. Уезжала в эвакуацию вместе с детским домом, где работала сестра отца (музыкальным работником и еще кем-то). Уезжали трое детей: Марина Михайловна, ее старшая сестра, которая только что окончила школу и подала документы в Ленинградский университет, и маленький брат⁶. После погрузки в товарные вагоны, где были оборудованы нары для лежания, началась бомбардировка. Милиция и военные оттеснили провожающих, и поезд тронулся очень быстро. Спешка и огромная скорость были обоснованы: спешили перебраться через мост. И, действительно, почти сразу после переезда через него мост разбомбили. *О пребывании в эвакуации в Удмуртии ничего не рассказала.*

Еще из воспоминаний о Кировске.

Там жило много ленинградцев – горных инженеров и других, приехавших сюда, так как в Заполярье были большие зарплаты, а в Ленинграде уехавшим туда бронировалась жилплощадь.

С другой стороны, были бараки со ссылными. Жизнь ссылных поэтому узнала очень рано.

О возвращении из эвакуации не рассказывала⁷.

Когда познакомилась с Н.Н. Покровским?

С Николаем Николаевичем⁸ познакомилась еще студенткой, хотя учились на разных курсах. Запомнила его по совместным заседаниям в профкоме – оба были беспартийными.

Еще одна деталь: при поступлении в университет в анкете по совету отца не указала, что он был репрессирован⁹. Правда, впоследствии ей сказали, что срок давности уже истек, и она имела право не указывать этот факт.

С первым мужем Н. А. Желтухиным¹⁰ познакомилась, так как брат был конструктором, работал в оборонке и был хорошо знаком с Глушко. Имелось в виду, что Н. А. Желтухин и Б. М. Громыко работали в одном ОКБ под руководством В. П. Глушко.

О том, как попала в Новосибирск, о Постоянной комиссии СО АН СССР.

Создание комиссии объяснялось тем, что Президиуму СО АН СССР нужны были экспертные оценки отчетов, поступавших из филиалов, где были институты гуманитарного профиля. Это было поручено Громыко – по досоветскому периоду, и Соскину¹¹ – по советскому.

Очень возмущалась распространенным в интернете мнением, что работу в Новосибирске ей обеспечило положение жены видного ученого, а не собственные профессиональные качества.

О том, почему Николай Николаевич в письме к М. Н. Тихомирову назвал ее «своей начальницей».

Ей были поручены контакты с Тихомировым, она встречалась с ним и с М. А. Лаврентьевым, была поручена организация переезда Н. Н. Покровского в Новосибирск¹².

О московских друзьях. Познакомилась и была дружна с Наташей Горской, и в связи с этим на аграрных симпозиумах была в одной с ней группе, куда входили еще Ковальченко

и Милов¹³. Вспоминала об Улащике¹⁴. Он был знаком и, вероятно, дружен с отцом, бывал в доме. Мама, однажды увидев его фамилию в программе одной из конференций, спросила: это не тот ли Улащик? Конечно, это был именно он. В перерыве одной из конференций он публично вдруг сказал, указывая на Марину Михайловну: «А вот эта дама сидела у меня на коленях». К счастью, сразу же пояснил, при каких обстоятельствах это было и сколько «даме» было тогда лет.

Объясняя свой категорический отказ писать воспоминания, сказала: «При этом необходимо что-то объяснять и кого-то судить. Все это было настолько сложно, что я не могу, не имею права этого делать».

Соглашаясь с моими словами о недостоверности многих анкет советского периода, добавила: я была не одна такая, кто скрывал сведения о своих родных, не только о репрессированных. Умалчивали о своем происхождении дети дворян, купцов, зажиточных крестьян («кулаков», по терминологии того времени). Люди, которые этого не понимают, не понимают, какой была эпоха.

Категорически возражала против утверждения В. Л. Соскина о близости его и Марины Михайловны взглядов. «Я отношусь к нему с полным уважением, но это не соответствует действительности. Вот с Николаем Николаевичем у нас, действительно, были близкие взгляды и позиции».

Отрицала, что была первым заведующим сектором дооктябрьского периода (поиски объяснения, почему Н.Н. Покровский в письме назвал ее «начальницей»). Утверждала, что никогда не хотела занимать никаких административных должностей. Кстати, упомянула, что уже в Москве, в Институте этнографии, отказалась, когда ей предложили выдвигаться в член-корреспонденты. О заведовании сектором в Новосибирске все же признала, что «два-три месяца» была и. о. до назначения Горюшкина¹⁵. Я попросила трудовую книжку и обнаружила, что Громыко исполняла обязанности заведующей сектором 1 год и 1 месяц (с 12 февраля 1968 до 22 марта 1969 г.). Даже после этого продолжала говорить, что это лишь формально, на самом деле срок исполнения обязанностей заведующего сектором был короче.

Отказываясь писать мемуары, в то же время возмущалась появлением в интернете ложных сведений о ней и призналась, что согласилась дать краткую информацию о себе для сборника о лауреатах Макарьевской премии¹⁶.

Примечания

¹ В Белорусской советской энциклопедии приведены следующие сведения (даются в переводе на русский язык, в тексте – на белорусском): Громыко Михаил Александрович (31.10(12.11).1885–1.7.1969), белорусский советский писатель, ученый. Окончил физико-математический факультет Московского университета. В 1905–1907 гг. вел агитационную работу среди крестьян Могилевской губ. С 1911 преподавал в Одессе. В 1921 переехал в Минск. Работал в Инбелкульте (Институте белорусской культуры, впоследствии в Белорусской АН), Белпедтехникуме и Белорусском государственном университете. Участвовал в поисках нефти в Полесье. Литературную деятельность начал в 1907 г. (*Березкин* 1971: 602). В современных справочных изданиях указывается: Громыко Михаил Александрович (31.10.1885, д. Черное Речицкого р-на Гомельской обл. – 30.6.1969, г. Химки Московской обл.), прозаик, поэт, ученый-геолог. Член Союза писателей Беларуси с 1965 г. После окончания гимназии в 1905 г. поступил на медицинский факультет Московского университета. Недостаток средств вынудил перейти на отделение природоведения. После окончания университета в 1911 г. учительствовал в Одессе, в частном кооперативном училище, в женских гимназиях, в 1920 г. был заведующим школы-интерната для белорусов-беженцев. 13.7.1930 г. был незаконно осужден по сфабрикованному делу «Союза освобождения Беларуси», в 1931 г. был сослан на 5 лет в Иваново-Вознесенск (Иваново). После окончания срока ссылки (1936) переехал с семьей в г. Кировск (Мурманская обл.), работал в горном техникуме. В начале Великой Отечественной войны в эвакуации в г. Чаусы (Пермская обл.), через год переехал в Удмуртию, в Ижевск, где преподавал в горном техникуме. В 1948–1952 гг. снова работал в горном техникуме в Кировске. С 1952 г. на пенсии. Последние годы жил в г. Химки. 15.8.1957 г. был реабилитирован. Литературную деятельность начал в 1907 г. новеллой «Белый камень», опубликованной в московском журнале «Белый камень». Стихи, небольшие рассказы, новеллы помещались в московской и одесской печати (Громыко Михаил 2016). Л. Рублевская характеризует литера-

турное творчество М. А. Громыко: «На три года младше Купалы и Коласа, он стал лидером белорусского литературного движения, экспериментатором, автором первой пьесы о Франциске Скорине. А параллельно – видным ученым, геологом, автором первого белорусского учебника по географии». Она же замечает, что ученый и поэт, как и другие виднейшие представители белорусской научной и творческой интеллигенции, был арестован по вымышленному делу «Саюза вызвалення Беларусі» (*Рублевская* 2016).

Как сообщили Анна Юрьевна и Алексей Куликовы (дочь и зять М. М. Громыко), Михаил Александрович был реабилитирован 15 ноября 1957 г. Верховным Судом БССР и только тогда смог прописаться в Подмоскowie.

² В официальной автобиографии М. М. Громыко в 1959 г. писала: «Мать, Громыко Лидия Ивановна, белоруска, родилась в г. Одессе в 1897 г., до революции была учащейся, после революции – педагогом, в настоящее время – пенсионер». Как сообщили Куликовы, Громыко (урожденная Ритор) Лидия Ивановна (21.12.1897 ст. ст. – 27.05.1989) – дочь железнодорожного служащего. После окончания в 1915 г. в Одессе гимназии была преподавательницей в женской гимназии. Сотрудничала с белорусским землячеством, где познакомилась с будущим мужем. В 1922 году они поехали поднимать белорусскую культуру. Лидия Ивановна работала педагогом. Когда детей из Кировска отправили в эвакуацию в детский дом в с. Якшур-Бодья, она приехала и работала там завучем. В 1949 завуч детского дома в Мамонтовке. В 1951 вышла на пенсию по состоянию здоровья и поселилась в Химках.

³ В автобиографии указывалось: «В 1935 г. поступила в школу в г. Иваново, где проживала с родителями. В 1936 г. родители переехали в Кировск, где продолжала учиться в школе до 1941 г.».

⁴ Ростислава Михайловна (1923–2008), в замужестве Севрук, врач. Как сообщили Куликовы, работала в Боткинской и «Кремлевской» больницах.

⁵ Согласно решению Мурманского облисполкома, эвакуация детей Мурманска, Кировска, Кандалакши и пр. была обязательной. По воспоминаниям одной из воспитательниц детского сада, эвакуация началась 2 июля 1941 г. (1941 год в истории 2014).

⁶ Громыко Борис Михайлович (1939–2018) – доктор технических наук, лауреат премии Правительства РФ, Заслуженный конструктор РФ, Заслуженный деятель науки и техники Московской области, ведущий специалист в области разработки агрегатов автоматики ЖРД, начальник отдела НПО «Энергомаш».

⁷ В автобиографии 1959 г. указано: «В июле 1941 г. была эвакуирована из г. Кировска в Удмуртскую АССР, село Якшур-Бодья, где в 1945 г. окончила среднюю школу с золотой медалью. В сентябре 1945 г. поступила на первый курс исторического отделения историко-филологического ф[акультета] Казанского государственного университета. В 1946 г. перевелась на второй курс исторического факультета Московского государственного университета». Как сообщили Куликовы, в Казань поехала вместе со старшей сестрой и ее мужем Д. Д. Севруком. В Москву перевелась, когда Севрука (репрессирован в 1938 г., работал в группе инженеров под руководством В. П. Глушко) перевели в Химки. В личном листке по учету кадров М. М. Громыко указаны два адреса: в г. Химки Московской области и в Новосибирске.

⁸ Покровский Николай Николаевич (1930–2013), доктор исторических наук, академик РАН (1992). Вскоре после окончания аспирантуры в МГУ (1955) был арестован (1957) по «делу молодых историков», в 1963 г., по отбытии наказания, по рекомендации своего учителя, академика М. Н. Тихомирова, был принят на работу во Владимиро-Суздальский музей-заповедник, а в 1965 г., по настойчивой просьбе Тихомирова, с согласия главы Сибирского отделения Академии наук академика М. А. Лаврентьева, начал работу в Новосибирском Академгородке.

⁹ В автобиографии 1959 г. также указано: «Репрессированных родственников не имею».

¹⁰ Желтухин Николай Алексеевич (1915–1994), доктор технических наук, ведущий конструктор в КБ «Энергомаш», лауреат Ленинской премии, в 1959–1988 – заведующий лабораторией, заместитель директора Института теоретической и прикладной механики СО АН СССР, член-корреспондент АН (1968). Арестован в 1937 г. по политическому обвинению, с 1939 г. – в «шарашке», с 1940 – в ОКБ под руководством В. П. Глушко, как и Б. М. Громыко.

¹¹ Соскин Варлен Львович (род. в 1925), доктор исторических наук (1964), с 1959 г. сотрудник Постоянной комиссии по общественным наукам СО АН СССР, в 1965–2012 гг. в ИИФиФ и Институте истории СО РАН.

¹² Письма Н. Н. Покровского к матери подтверждают, что М. М. Громыко играла активную роль в организации его перевода в Сибирь.

¹³ Горская (урожденная Кожина) Наталья Александровна (1930–2004), доктор исторических наук (1978); Ковальченко Иван Дмитриевич (1923–1995), доктор исторических наук (1966), академик (1987); Милов Леонид Васильевич (1929–2007), доктор исторических наук (1978), академик (2000). Все они участвовали в работе Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы – международного научного форума историков-аграрников.

¹⁴ Улащик Николай Николаевич (1906–1986), доктор исторических наук (1964), выпускник Белорусского государственного университета. Четыре раза арестовывался по политическим обвинениям, впервые – в 1930 г., по тому же сфабрикованному делу «Союза освобождения Беларуси», что и М. А. Громыко. В 1955–1986 гг. работал в Институте истории АН СССР.

¹⁵ Горюшкин Леонид Михайлович (1927–1999), доктор исторических наук (1976), член-корреспондент РАН (1990), с 1969 г. заведующий сектором истории дооктябрьского периода, в 1991–1997 гг. директор Института истории СО РАН.

¹⁶ Премии памяти митрополита Макария (Булгакова) М. М. Громыко была удостоена в 2001 г. за монографию «О воззрениях русского народа».

Источники и материалы

1941 год в истории 2014 – 1941 год в истории города Кировска. По документам Государственного архива Мурманской области в г. Кировске // Государственный архив Мурманской области в г. Кировске. 31.10.2014. <http://www.archive-kirovsk.ru/activity/reports-2/434-1941-god-v-istorii-goroda-kirovsk-a-po-dokumentam-gamo-v-g-kirovsk-e> Дата обращения: 19.11.2020.

Громыко Михаил 2016 – Громыко Михаил Александрович // Знаменитые люди Гомельщины. 02.12.2016. <http://www.person.goub.by/?p=680> Дата обращения: 19.11.2020.

Научная литература

Березкин Р. С. Громыко М. А. // Белорусская советская энциклопедия. Т. III. Минск, 1971.

Громыко М. М. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского как источник по истории сибирской каторги 50-х годов XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири. XVIII – начало XX в. Новосибирск, 1975.

Громыко М. М. Вопросы общественного сознания в изучении досоветской Сибири // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971а.

Громыко М. М. Г. М. Походяшин в «Дружеском ученом обществе» Н. И. Новикова // Города Сибири. Новосибирск, 1974.

Громыко М. М. К характеристике социальной психологии сибирского крестьянства XVIII в. // История СССР. 1971б. № 3.

Громыко М. М. Социальное настроение как категория общественно-исторической психологии // Бахрушинские чтения 1966 г. Вып. 1. Методология истории. Всеобщая история. Археология. Новосибирск, 1968.

Православная культура России: Учебное пособие для учащихся старших классов школ, гимназий и лицеев. Новосибирск: Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2002. Электронная версия – 2004 г.

Рублевская Л. Поэт, геолог, изгнанник // Советская Белоруссия – Беларусь сегодня. 13 января 2016 г. https://nlb.by/content/news/library-news/poet-geolog-izgnannik__8686/ Дата обращения: 19 ноября 2020 г.

References

Berezkin, R. S. 1971. *Gromyko M. A.* [Gromyko M. A.]. In *Belorusskaia sovetskaia entsiklopediia* [Belarusian Soviet Encyclopedia]. Vol. III. Minsk.

Gromyko, M. M. 1975. «*Zapiski iz Mertvogo doma*» F. M. Dostoevskogo kak is-tochnik po istorii sibirskoi katorgi 50-kh godov XIX v. [«Notes from the House of the Dead» by F. M. Dostoevsky as

a source on the history of the Siberian penal servitude in the 50s of the XIX century]. In *Ssylka i katorga v Sibiri. XVIII – nachalo XX v.* [Exile and hard labor in Siberia. XVIII – early XX century]. Novosibirsk.

Gromyko, M. M. 1971. Voprosy obshchestvennogo soznaniia v izuchenii dosovetskoi Sibiri [Questions of public conscience in the study of pre-Soviet Siberia]. In *Itogi i zadachi izucheniia istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Results and tasks of studying the history of Siberia in the pre-Soviet period]. Novosibirsk.

Gromyko, M. M. 1974. *G. M. Pokhodiashin v «Druzheskom uchenom obshchestve» N. I. Novikova* [G. M. Pokhodyashin in the «Riendly Scientific Society» by N. I. Novikov]. In *Goroda Sibiri* [Siberian cities]. Novosibirsk.

Gromyko, M. M. 1971. *K kharakteristike sotsial'noi psikhologii sibirskogo kre-st'ianstva XVIII v.* [On the characterization of the social psychology of the Siberian peasantry in the 18th century]. *Istoriia SSSR* 3.

Gromyko, M. M. 1968. Sotsial'noe nastroyenie kak kategoriia obshchestvenno-istoricheskoi psikhologii [Social mood as a category of socio-historical psychology]. In *Bakhrushinskie chteniia 1966 g. Iss. 1. Metodologiya istorii. Vseobshchaia istoriia. Arkheologiya* [Bakhrushin readings 1966. Issue 1. Methodology of history. General history. Archeology]. Novosibirsk.

Pravoslavnaia kul'tura Rossii: Uchebnoe posobie dlia uchashchikhsia starshikh klassov shkol, gimnazii i litseev [Orthodox Culture of Russia: A Textbook for High School Students, Gymnasiums and Lyceums]. Novosibirsk: Pravoslavnaia Gimnaziia vo imia Pre-podobnogo Sergiia Radonezhskogo, 2002.

Rublevskaia L. Poet, geolog, izgnannik [Poet, geologist, exile]. *Sovetskaia Belorussiia – Belarus' sego-dnia*. 13 ianvaria 2016 g. https://nlb.by/content/news/library-news/poet-geolog-izgnannik__8686/ Data obrashcheniia 19 noiabria 2020 g.

MY MEMORIES ABOUT MARINA MIKHAILOVNA GROMYKO
AND HER STORY ABOUT HER LIFE

